

РЕЧЬ В.Д. НАБОКОВА ПАМЯТИ С.А. МУРОМЦЕВА — ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Современным юристам есть на кого равняться. Правозащитная традиция в России имеет глубокие корни и славную историю. О роли выдающегося юриста, адвоката Сергея Андреевича Муромцева в первой Государственной Думе и его влиянии на общественное сознание дореволюционной России вспоминал один из лидеров партии кадетов Владимир Дмитриевич Набоков.

С 27 апреля 1906 г., когда сперва 426 записками из 436, а вслед за тем единогласным признанием всей думы, что этими записками выражено мнение всех присутствовавших, С.А. Муромцев был выбран председателем Первой Государственной Думы, началась его историческая роль, закончившаяся 72 дня спустя — 9 июля, в день роспуска.

Как ни крупно значение Муромцева в науке, как ни ценны и ни велики его заслуги на поприще общественной деятельности, как ни прочна, ни безупречна и ни высока его репутация как адвоката, все же Муромцев — председатель Государственной Думы заслоняет Муромцева — ученого, общественного деятеля, адвоката. Это настолько общепризнано, что даже стало общим местом. И те несметные массы народа, которые 7 минувшего октября провожали тело Муромцева на последний покой,

прежде всего чтить память председателя Первой Думы. И здесь, в нашей среде, образ Муромцева был бы не только не полон, если бы мы ограничились оценкою его как ученого, как профессора и юриста, как адвоката. Можно сказать, что первое и главное было бы позабыто.

Как известно, в самые первые дни председательствования Муромцева вокруг имени его как бы сложилась легенда. Он стал как бы воплощением той Первой Думы, которая, в свою очередь, являлась хотя и неполным, несовершенным, но все же воплощением надежд и стремлений широких масс русского народа. Но этого недостаточно. Роль Муромцева в Первой Думе была не только внешней, не только символической; нет, прежде всего — и в этом главное ее значение — она была ролью творческой, организационной.

Если председательствование в любом общественном собрании, несущем серьезные и ответственные функции, является трудной, далеко не всем доступной и в высокой степени ответственной задачей, то тем более, конечно, это следует сказать о председательствовании в законодательном учреждении. Прежде всего благодаря свойству задач этого учреждения, высших и наиболее значительных во всей государственной деятельности. Сложность парламентской процедуры, великое разнообразие ее формы, хитрый и тонкий механизм постановки вопросов, голосования и т.п. — все это налагает на председателя огромный труд, все это должно вызывать колоссальное напряжение всех его сил — умственных, нравственных и даже физических. К тому же эта деятельность происходит не в тиши кабинета, она не допускает спокойного и хладнокровного сосредоточения, она по самому своему существу зачастую экспромтна, и принимать ответственные решения приходится нередко в разгар партийной борьбы, среди взрывов партийных страстей; приходится вести твердой рукою корабль по бушующим волнам и довести его до желанной пристани. Здесь требуются не только внимание, тщательность, не только находчивость и самообладание — здесь прежде всего требуются беспристрастие и справедливость. Но этого мало. Огромное многоголовое со-

брание, разделенное на враждебные группы, может работать успешно только тогда, когда нравственный авторитет председателя стоит незыблемо и высоко.

В конституционных странах Запада целая масса условий облегчает роль председателя. Здесь имеется комплекс издавна сложившихся традиций; имеются тщательно выработанные и точные регламенты, давно вошедшие в плоть и кровь не только председателя и его помощников, но и всех членов собрания; имеется, наконец, парламентский навык, правильное понимание задач законодательного учреждения, известная рутина, смягчающая конфликты и дающая выход из самых острых положений.

В Первой русской Государственной Думе этих условий не было. Ей приходилось действовать на новой почве, в новой, доселе невиданной обстановке, без наказа, без традиций. Скучны и часто неопределенны указания закона (учреждения Государственной Думы), определяющего порядок производства в думе. Ряд важных и крупных отраслей, отнесенных к внутреннему распорядку, по указанию самого закона должны были быть нормированы наказом. В Думу пришли люди, зачастую не имевшие ни малейшего представления о формах и смысле парламентской работы. Вспомним к тому же особенности тогдашнего исторического момента, который еще недавно в печати назван был героическим. Задачи Государственной Думы в понимании различных политических течений, которые в ней были представлены, рисовались совершенно различно. Если с точки зрения одних Государственная Дума представлялась законодательным учреждением, действующим в определенных конституционных рамках, то для других она была трибуной и только трибуной для политической пропаганды, разносящейся по всей стране.

Муромцев естественно и очевидно держался первого взгляда, выраженного им с неподрожавшей яркостью и выпуклостью при самом открытии думы. Величие исторического момента он усматривал не в том, что открылась первая всероссийская кафедра свободного политического красноречия, а в том, что в Государственной Думе воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно

действующего, на неотъемлемых законах основного законодательного учреждения. И работа этого учреждения должна была совершаться на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного монарха и на почве совершенного осуществления прав Государственной Думы, вытекающих из самой природы народного представительства. Дума бурными аплодисментами приветствовала эту речь с огромным единодушием. Тем не менее указанные воззрения нередко впоследствии сталкивались и нередко обнаруживалась большая трудность компромисса между ними. Правда, в Первой Государственной Думе, за редкими исключениями, не проявлялось острой партийной вражды, и все члены ее, расходясь в понимании ближайших практических средств и различно оценивая возможные результаты, объединены были одним общим горячим стремлением достигнуть освобождения народа, «создать из России свободное, счастливое, могущественное, единое государство»¹. Но тем не менее понятно, что взаимное непонимание и различная оценка самого существа деятельности думы усугубляли трудность парламентской работы и вносили в нее бесконечные осложнения.

К этому еще надо прибавить следующее: Дума действовала в пустом пространстве; между ней и тогдашним правительством не установилось, да и не могло установиться никакой связи. Правительство как бы игнорировало Думу и не вносило законодательных предположений, тормозило думскую инициативу и препятствовало ей и словно задалось целью толкнуть Думу с пути правильного законодательного действия на путь беспорядочного и буйного митинга. Все это сказалось на первых же порах; и если мы вспомним обстановку открытия Первой Государственной Думы, вспомним, что волна общественного возбуждения в то время достигла наивысшей своей точки, что на Думу нетерпеливо напирала со всех сторон, требуя от нее невозможного и с первых же дней угрожая ей недоверием и охлаждением народных масс за то, что она еще ничего не сделала, — то мы поймем, какая

требовалась огромная нравственная сила для того, чтобы всем этим страстным требованиям, грозящим сразу сорвать Думу с рельсов и дать удобное и бесспорное основание для роспуска, противопоставить требование соблюдения конституционных форм и действия, основанного на законе.

До настоящего времени нередко слышатся голоса, утверждающие, что такая тактика была ошибкой, что думе надлежало отрешиться от тех пут, которые на ней лежали, и прямо и открыто вступить на путь самостоятельного действия, осуществляющего народные требования и игнорирующего все остальное. Повторяется то, что мы слышали в Думе, что она должна была что-то принять, что-то провозгласить, что-то отменить и что в тот момент все бы подчинилось. И с этой точки зрения деятельность руководящих сил в Первой Государственной Думе и самого председателя ее подвергается критике и осуждению. Другие, менее близорукие и вернее оценивающие соотношение сил, находят, что значение Первой Государственной Думы с точки зрения исторической оценки исчерпывается значением ее трибуны и тех горячих речей, которые расходились по стране «и в свою очередь вызвали дальнейшие отклики, дальнейший рост народного самосознания», а привитие парламентских нравов и выработка думского наказа — явление второстепенное и сравнительно незначительное². Здесь не место и не время брать сторону в этом споре и касаться политической роли Первой Государственной Думы. Не будем говорить о том, что было и осталось. Будущий историк нашей государственности, более объективный и рассматривающий явления в исторической перспективе, лучше сумеет оценить тот факт, «что Первая Дума впервые придала неорганизованному, наполовину стихийному движению народа формы организованные, что в стенах Государственной Думы партии, встретившись между собою, впервые поняли, что пора сойти с почвы митинга и встать на почву организованного собрания»³. Он лучше оценит и роль первого председателя.

¹ Из речи Ф.К. Кокошкина на процессе о Выборгском воззвании.

² В.А. Мякотин в «Русском богатстве» за октябрь 1910 г., статья о С.А. Муромцеве.

³ Из речи С.А. Муромцева на процессе о Выборгском воззвании.

С.А. Муромцев к этой роли был как бы преопределен. Все в нем, начиная с его внешности и с его приемов, соединяясь в одно гармоничное целое, рождало представление о человеке, естественно призванном руководить Законодательным собранием. Любопытно, что об избрании его ни среди выставившей его партии, ни в самой Государственной Думе не было ни особенных споров, ни особенного сговора. Как-то сразу все поняли и поверили, что лучше Муромцева никто не справится с огромной и тягостной задачей. Я упомянул об его внешности. Это может показаться мелочью. Но если оценивать и мелочи по тому зачастую крупному влиянию, которое они имеют на умы и сердца, то отмеченная благородной красотой фигура Муромцева, не напускная, а естественная величавость ее, столь заметная на председательской кафедре, внушительная серьезность его обращения, его звучный, красивый, удивительно ясный и отчетливый голос, строгий взгляд его живых и умных глаз — все это как-то соединялось в одно, чтобы производить неотразимое впечатление. Напомню колоссальный эффект его вступительной речи, достигнутый не только тем, что было сказано, но и тем, как были произнесены эти немногие слова, исполненные такого большого внутреннего значения. Этой речью Муромцев сразу укрепил тот нравственный авторитет, который затем ни на минуту не ослабевал, а только, наоборот, усиливался за все время существования Думы. Но этого мало. Со своей изумительно редкой добросовестностью Муромцев основательно подготовился к внешней стороне той роли, которая ему выпала. Он внимательно и пристально изучал западноевропейские парламентские регламенты, он как бы проникся духом парламентской работы, сроднился с нею, еще не вступив в залу Таврического дворца, и взошел на председательскую кафедру во всеоружии знаний. Он сразу чувствовал себя на этом месте вполне свободно и во всех самых трудных положениях сохранял уверенность, спокойствие и самообладание.

Я упомянул о его подготовке: она была не теоретическая только, но и практическая. Как известно, Муромцев еще зимою 1906 г. работал над состав-

лением проекта наказа Государственной Думы. В этом он сошелся с другим лицом, имя которого, конечно, не будет забыто в истории нашего парламентского права. Я говорю о члене Первой Думы, нашем товарище Острогорском. Он также в январе 1906 г. остановился на вопросе о предстоящей деятельности Думы и понял необходимость облегчить ее работу составлением регламента, который на первых порах мог бы явиться руководством для председателя, а затем и лечь в основу думского наказа. В конце марта 1906 г. Острогорский встретился с Муромцевым в Петербурге. Проекты того и другого подверглись совместному обсуждению, и к концу преддумия большая часть наказа была в проекте закончена. И Муромцев, и Острогорский имели в виду, что парламентский регламент должен сослужить двойную работу, способствуя, с одной стороны, урегулированию думских порядков и — что еще важнее — развитию конституционного права. Так оно и случилось. Проект, готовый к началу первой сессии, лег в основу всех дальнейших работ и находится во внутреннем средстве с наказом Второй Думы, значительная часть которого осталась нерассмотренной или непринятой, а также с ныне действующим наказом Третьей Думы.

Как известно, и после роспуска Первой Думы Муромцев продолжал работать над наказом. В 1907 г. он издал книжку, озаглавленную «Внутренний распорядок Государственной Думы», в которую вошли принятые Думой первые три главы наказа, далее свод временных правил, одобренных постановлениями и практикой Государственной Думы, и проект основных глав наказа с объяснениями. К вопросу о наказе Муромцев нередко возвращался и в журнальных статьях. Он справедливо считал, что деятельность Государственной Думы только тогда освободится от всего случайного и наносного, когда будут даны твердые формы, для всех обязательные. «Соблюдение известных форм, — говорил Муромцев в Первой Думе, — есть гарантия нашей свободы и наших прав. Если мы не будем уважать форму в ходе наших суждений и решений, мы во многих случаях будем рисковать посягательством и на наши права, и на нашу свободу».

Но, конечно, истинное значение Муромцева не только в этой крупной и важной работе его над наказом. Эта работа могла быть выполнена Муромцевым и если бы он остался рядовым работником партии, даже не вступая в Государственную Думу и не занимая в ней председательского кресла. Настоящее организационное значение имели не эти только работы по составлению наказа, а вся совокупность указаний и разъяснений по самым разным вопросам парламентского права, которые в течение двух с половиной месяцев непрерывно исходили от председателя. В официальном предметном указателе, в стенографическом отчете, эти указания занимают 12½ столбцов убористой печати, свидетельствующих о невидном, многими забытом, ждущем еще полной оценки труде. И здесь я не претендую на такую полную оценку. Мне хотелось бы только напомнить о важнейших сторонах парламентской работы и всей парламентской жизни, которая получил данное направление силою авторитета С.А. Муромцева.

Отмечу прежде всего тот ясный и точный взгляд на особенности положения председателя Государственной Думы, который неизменно проводился Муромцевым. Он указывал, что закон поставил председателя Думы для руководства ее занятиями. «Однако, — говорил он, — есть особенности в положении председателя парламента по сравнению с председателями других общественных собраний. В парламенте, как и других общественных собраниях, председатель есть естественный блюститель внешнего порядка и правильного, с внешней стороны, хода занятий. Он открывает и закрывает заседание, он сообщает собранию о поступивших делах, во время прений он, в случае надобности, обращает оратора к предмету суждения и призывает к порядку».

«Но обычно практикою общественных собраний председателю присваивается еще и роль руководителя по самому существу происходящего обсуждения. От председателя обыкновенно ожидают, что, сообщив собранию о том или другом поступившем деле, он тут же подскажет дальнейшее его направление, заявит о его крайней срочности, предложит

его немедленное рассмотрение или, наоборот, передачу в комиссию. Во время прений и по окончании их от председателя собрание всегда готово выслушать его личное мнение по делу, принять от него проект постановления по делу и т.д. Особенность парламентской процедуры состоит в том, что от деятельности этого рода она совсем или почти совсем устраняет председателя собрания. В таком многолюдном собрании, как Государственная Дума, разделенная притом на многие фракции и группы, с совершенно различными, часто взаимно противоположными политическими воззрениями, приходится особенно заботиться о том, чтобы председательствующий в собрании мог сохранить полное спокойствие и беспристрастие. Он не должен вступать в борьбу, которую по данному вопросу ведут между собою парламентские фракции и группы, сосредоточивая все свое внимание на внешнем регулировании этой борьбы. Инициатива, которую в обыкновенных общественных собраниях столь охотно присваивают председателю, должна в стенах парламента перейти в среду самого собрания».

«На этот именно путь, — прибавляет С.А. Муромцев, — и стала практика Первой Государственной Думы».

В этих словах очень отчетливо сформулирована внешняя роль председателя, отчетливо и верно. Но такое понимание прав и обязанностей председателя, на первых порах в особенности, нередко сталкивалось с непривычкой Законодательного собрания принимать на себя ту инициативу, которую правильно слагал с себя председатель. Я помню случаи, когда после довольно продолжительных прений, не закончившихся каким-либо определенным предложением, Муромцев, выждав несколько минут, строгим голосом произнес:

— Так как не сделано никакого предложения, то мы переходим к очередному делу.

Неоднократно он возвращался к тому, что только из среды самого собрания могут исходить проекты волеизъявления Государственной Думы и

что председатель ее перешел бы пределы своей компетенции, если бы так или иначе вторгся в эту область. Мало того, когда по одному частному случаю было сделано предложение о том, чтобы при внесении запроса председатель заявлял Думе о том, имеется ли по этому запросу большой или малый материал, Муромцев категорически отклонил от себя даже и такое право. «Я не считаю себя вправе, — заявил он, — оценивать вперед всякое дело; я его должен сообщить; если я оцениваю его вперед, — я как будто вызываю известное решение, чего я не считаю себя вправе делать».

С председательской кафедры Муромцеву приходилось касаться и вопроса о значении председателя как представителя всей Государственной Думы. «Самое избрание председателя, — сказал он в первой своей речи, — представляет собою первый шаг на пути организации Думы в государственное учреждение». Председатель не является представителем одной какой-либо группы; везде и во всем он может быть только представителем всей Государственной Думы. Отсюда его власть и его авторитет. Он один имеет право делать замечания и останавливать ораторов. В этой области Муромцев был щепетилен до суровости. Напомню, как сразу остановил он оратора, начавшего свою речь с указания, что «здесь много было сказано лишнего, не относящегося к предмету». Вместе с тем он сразу и решительно заявлял, что по поводу замечаний, сделанных председателем, никакой наказ не допускает никаких протестов, ибо эти замечания делаются в интересах сохранения достоинства Государственной Думы. Надо сказать, что эти указания Муромцева никогда не встречали прямого противодействия. Самые горячие и наименее дисциплинированные члены законодательной палаты подавали в этом отношении пример. Не было случая, чтобы даже излишняя, быть может, иногда придиричивость председателя вызвала какое-либо возражение со стороны оратора или его единомышленников. Ибо для всех было непреложной аксиомой, что, делая свои замечания, Муромцев всецело и исключительно исходил их соображений о достоинстве и авторитете Государственной Думы. Это знамя Муромцев держал высоко.

И многочисленны те случаи, когда в сдержанных, веских и сильных словах он призывал блюсти моральное значение Думы. «Не согласимся ли мы раз навсегда, что личные пререкания и оскорбительные выражения ниже достоинства Государственной Думы? Я продолжу свою мысль: старый строй, власть которого во всем исходила сверху, приучил к тому, что люди, стоящие у власти, часто считали себя вправе наносить подчиненным оскорбления вместо того, чтобы ограничиться спокойным и авторитетным указанием на неправильность его поступка. Неужели же мы, представители русского народа, заняв положение в качестве органа государственной власти, будем подражать старым носителям власти?»

Авторитет Государственной Думы должен стоять высоко прежде всего в глазах ее членов. Эта мысль лежит в основе того известного афоризма, который в свое время, в переиначенном и извращенном виде, был истолкован как заявление о том, что никто не смеет критиковать Думу. «Никто не может делать упреков с этой кафедры Государственной Думе по поводу сделанных ею постановлений: ее авторитет выше нашего личного авторитета». Когда один из депутатов заявил, что Дума довольствуется крохоборствующими резолюциями, председатель трижды его остановил во имя достоинства Государственной Думы. «По поводу решения Думы, — заметил он депутату Петражицкому на его заявление, что, к сожалению, его предложение было отклонено, — члену ее не следовало бы выражать сожаления». Я не касаюсь здесь того, насколько правилен или неправилен такой взгляд, мне хотелось лишь отметить его, поскольку он характеризует представление Муромцева о великом значении должного авторитета думы. В этой же связи можно привести вделанное Муромцевым указание о том, что комиссии думские обязаны самостоятельно собирать материалы для законопроектов, не поручая этого дела канцелярии. «Мы не бюрократическое учреждение, мы учреждение законодательное, которое работает своими силами, поэтому свои силы должны это сделать».

На первых порах деятельности Государственной Думы перед нею встал вопрос о порядке осуществ-

вления предоставленной ей законом функции по проверке прав. «Пока у нас еще не произведена проверка выборов, — заявил Муромцев в шестом заседании, — приступить к законодательной деятельности представляется несколько рискованным. Законодательная деятельность уже предполагает полную организованность собрания. Нельзя признать собрание вполне организованным, в законном составе, пока состав его еще не проверен». В дальнейшем председатель преподал целый ряд указаний, касающихся этой важной и ответственной функции Думы. Он подчеркивал, что Государственная Дума есть верховный судья в вопросе о проверке прав ее членов. Но вместе с тем он напоминал, что Государственная Дума не утверждает выборов, а только проверяет их правильность, причем проверка эта должна привести проверяющую коллегию к одному определенному заключению — «да» или «нет», — подлежащему обсуждению и принятию или непринятию со стороны Думы.

Но вот Дума организована и приступает к своей деятельности, приступает со страстным нетерпением поскорее подойти к самой сути, добиться практических результатов, утвердиться на занятой позиции. Сразу же нетерпение это прорывается в речах и отдельных замечаниях. Исполненные сознания высокого долга, на них возложенного, горя стремлением возможно лучше и полнее ответить на все предъявленные требования, народные представители могут легко позабыть о необходимых условиях внешнего порядка. К тому же в первых заседаниях трудность положения увеличивается тем, что отсутствуют законопроекты. Дума должна либо отсрочить свои заседания, либо искусственно создавать себе дело. Как ни спешит руководящая партия, как ни быстро вносятся разработанные ею проекты, все же обязательные законные сроки стесняют Думу, мешают ей; и вот придумываются всякого рода суррогаты, которые должны наполнить пустое пространство. Часть Думы нервничает и сердится, настаивает на том, чтобы поскорее покончить с формальностями: «Не для того мы сюда посланы». Сравнительно с тем, что ожидается от Думы, как ничтожны и непонятны

на первый взгляд эти прения о порядке выборов должностных лиц Думы, о порядке прекращения прений, об избрании комиссии для составления наказа и т.д. Вносится предложение выработать законопроект об освобождении всех политических заключенных, и председатель должен объяснить, что Дума в полном составе не может выработать законопроекты.

Соблюдение даже внешнего порядка представлялось зачастую затруднительным. Непривычные к строгим формам депутаты нередко просят слова после объявления прекращения прений, вносят новые предложения во время баллотировки и иногда настаивают на этих предложениях, причем председатель, отклоняя их, вынужден опираться исключительно на свой личный авторитет, так как наказа еще нет. Когда в третьем заседании, после бурных и несколько беспорядочных прений по вопросу о немедленном, до составления адреса, обращении к Верховной власти по поводу амнистии и приостановки смертной казни было внесено предложение о прекращении прений, председатель своею властью предложил высказаться одному «за», другому — «против». Высказавшийся «против» внес в то же время предложение в новой форме. Возникло сразу запутанное положение, из которого удалось выйти лишь благодаря твердости и самообладанию председателя. «Может быть, я делаю ошибки, — заявил он, — действуя по своему разумению, но положение председателя меня к этому обязывает, ибо никаких других руководящих указаний у меня к этому нет. Если желаете, чтобы эта неопределенность положения исчезла, составьте наказ, который дал бы вашему председателю возможно точные указания». К этому вопросу о наказе, о необходимости скорейшего его составления Муромцев нередко возвращался и впоследствии.

К той же области внешнего порядка относится и упорное стремление Муромцева, всячески отстаивая свободу слова, провести границу между речами парламентскими и речами митингового типа. По существу, конечно, это не могло всегда удаваться, и здесь Муромцев иногда встречал если не прямое

противодействие, то некоторый бесформенный протест. Так, когда по поводу нападок на представителя правительства он заявил, что «оценка личности кого-нибудь не должна допускаться», что «мы не имеем права оскорблять друг друга», — слова эти вызвали шум, и тем не менее Муромцев тут же продолжал: «Вы можете отнестись отрицательно к положению, но никак не делать оценки».

В интересах соблюдения истинного характера парламентских прений и полной свободы суждений председатель неоднократно обращался к депутатам с усерднейшей просьбой воздерживаться от знаков неодобрения по адресу ораторов. Всякие попытки обструкции встречали в нем решительный отпор и указания на недопустимость прекращения речей ораторов знаками неодобрения. И только в одном случае — известном инциденте с генералом Павловым — Муромцев оказался бессильным и вынужден был прервать заседание. Помню то серьезное неудовольствие, с которым он отнесся к этому стихийному взрыву негодования всей Думы. Он понимал психологию собрания, но с неумолимой логикой доказывал, что тот образ действия, который обусловлен был такой психологией, может легко привести к тупику. «Стоит генералу Павлову проявить настойчивость — и он сорвет Думу, так как закон не дает председателю права отказать в слове представителю правительства». Как известно, генерал Павлов уехал — и собрание успокоилось.

Протестуя против неодобрения, Муромцев логически должен был относиться отрицательно к митинговому приему подчеркивать принятие того или другого решения рукоплесканиями. «Постановления Государственной Думы, — заявлял он, — мне кажутся, в одобрениях не нуждаются». И когда в ответ на это замечание один из членов Думы возразил, что «мы аплодируем не по поводу постановления, а по поводу его единогласия», Муромцев тут же отпарировал это возражение, заметив: «Во всяком случае не допускаю мысли, что при неединогласии вы находите возможным противное».

В списке лиц, призванных к порядку Муромцевым или получивших замечание, мы находим почти

столько же его партийных единомышленников, сколько и представителей других направлений. Это свидетельствует о полном беспристрастии председателя, проводившего по отношению ко всем безразлично тот принцип, что резкие мысли всегда допускаются, но не требуют непременно резкой формы. К сожалению, иные из думских ораторов забывали иногда о том, что «приличный образ выражений есть необходимое условие достоинства Законодательного собрания», хотя, конечно, в Первой Думе никто никогда не был свидетелем того грубого попрания не парламентских только, а общественных и общечеловеческих приличий, невольными свидетелями которого мы сделались впоследствии.

С другой стороны, никому никогда не могла бы прийти в голову мысль, что то или другое замечание Муромцева вызвано желанием посчитаться с политическим противником. И невозможно себе представить, чтобы Муромцев хотя бы на одну минуту попытался оправдать свое действие или бездействие по отношению к тому или другому депутату соображениями о том, как может быть истолковано это действие или бездействие с точки зрения интересов политической борьбы. Ибо самое применение этой точки зрения к председателю Думы — недопустимо.

Как я уже заметил, учреждение Государственной Думы дает крайне скудные указания по целому ряду отраслей парламентской деятельности. Самый порядок обсуждения и принятия законопроектов определяется в немногих общих статьях. При строго формальном толковании относящихся сюда статей Дума на первых порах оказалась бы в безвыходном положении ввиду требования ст. 156 учреждения, согласно которой министры извещаются о дне слушания в Государственной Думе, заявлений об отмене или изменении действующего или издании нового закона не позднее как за месяц до дня слушания. Для того чтобы выйти из этого положения, пришлось прибегнуть к тому приему, который граф Гейден назвал нулевым чтением: к общим принятиям по существу под видом обсуждения вопрос о направлении. За-

метим, что это обсуждение по вопросу о направлении сохранилось и в действующем наказе Третьей Думы, обставленное, конечно, известными ограничениями.

В целом ряде подробных указаний С.А. Муромцев разъяснял и устанавливал дальнейший порядок обсуждения и установления законодательных предположений: сперва по основным началам, потом постатейно и, наконец, окончательно. В отчетах мы находим множество таких указаний, касающихся порядка постатейного обсуждения. Муромцевым установлен тот принцип, который фигурирует в параграфе 72 действующего наказа, что отклонение предложения в переходе к постатейному обсуждению данного заявления равносильно отклонению всего заявления. Порядок рассмотрения поправок точно так же на первых же порах был установлен согласно требованиям и указаниям председателя. Так, он ввел и неуклонно держался правила, что поправки должны быть представляемы в письменной форме; и никакое предложение, сделанное с места или даже заявленное с трибуны, для него не существовало до той минуты, пока оно не было облечено в правильную письменную форму. Муромцев установил и момент для внесения этих поправок. И здесь опять-таки действующий наказ Третьей Думы следует этому установленному Муромцевым порядку: поправки должны вноситься только при вторичном постатейном обсуждении, а не при обсуждении по общим основаниям. Поправки не могут быть вносимы после окончания постатейного обсуждения; они должны вноситься до баллотировки основного предложения и голосоваться ранее, чем голосуется это предложение. Принятие поправок не препятствует отклонению всего предложения при окончательной его баллотировке. Наконец, Муромцев дал руководящие указания и касательно самого порядка голосования поправок, начиная с поправок стилистических и продолжая в порядке большей или меньшей радикальности поправок.

Ход прений и порядок баллотировки, о котором закон почти умалчивает, с самого начал был налажен в Думе и получил правильную и неизменную

форму — благодаря Муромцеву. Вопрос о признании предложения спешным, о порядке прекращения записи ораторов и прекращении прений, о законности требования разделения вопроса перед его баллотировкой, о повторении баллотировки в случае сомнения в ее результате (по требованию членов Думы), о том, что заявления о неясной постановке вопроса на баллотировке должны делаться до баллотировки, а не после нее, о необходимости объявления результата баллотировки во время заседаний, о праве каждого члена Думы воздержаться от голосования, разъяснение, что если предложены две формулы перехода к очередным делам и одна из них принята, то этим самым устраняется возможность баллотировать другую, — все эти начала, облеченные в ясную и точную форму, сделались прецедентами, определившими правильное развитие думской деятельности.

Наконец, в области права запросов мы находим руководящие указания Муромцева, касающиеся порядка их внесения и обсуждения, предложения к ним поправок, голосования и формулировки постановлений по запросам. С особенною подробностью эти указания были даны в десятом заседании, предварительно баллотировки одного из первых запросов — о мерах борьбы с голодом. И здесь опять-таки Муромцев устанавливал прецеденты, разрабатывая нетронутую почву. И здесь он закладывал основы будущего парламентского права.

Третья Государственная Дума, как известно, отказалась почтить память председателя Первой Государственной Думы. Но из всего предыдущего мы можем вывести утверждение, что невольно и бессознательно эта память ежедневно и поминутно читается теми самими, которые хотят о ней позабыть. *Spiritus flat ubi vult*. Дух Муромцева веет все же в зале Таврического дворца, облагораживая и нередко очищая его затхлую и недоброкачественную атмосферу. Третья Дума как-никак живет и работает по Муромцеву. Пройдут года, уляжется ненависть, наступит время для открытого воздаяния почестей тому, чья роль в организации первого народного

представительства была так велика и так благотворна. Наступит день — мы в этом уверены, — когда предложение поставить памятник Муромцеву в стенах Таврического дворца будет принято как справедливое признание его исторической заслуги. Сейчас, конечно, этот день кажется нам бесконечно отдаленным — таким же отдаленным, как деятельность самой Первой Думы. Мы словно заблудились в дремучем лесу, спотыкаемся и падаем ежеминутно, попадаем в ямы и рытвины, и не видно конца-края, нет предчувствия той счастливой минуты, когда из этих дебрей и колючих терний мы выйдем на благословенный простор, на свет и воздух, на плодотворные, озаренные солнцем равнины. Но все же в наших руках есть одно могучее средство. Идея народного представительства, ныне

искаженная, даже в самом уродливом своем проявлении заключает в себе великую силу дальнейшего совершенствования. Пожелаем борцам, защитникам свободы и прав народа, чтобы они черпали вдохновение и бодрость в воспоминании о том, кто своею деятельностью явил пример такого полного и совершенного воплощения этой великой идеи.

Печатается по изданию:

Винавер М.М.

*Труды Юридического общества при Имперском
Санкт-Петербургском университете.*

Т. IV (второе полугодие 1910 г.).

СПб., 1912